

А
Н. Бестужев

Гибралтар

Русские альманахи: Страницы прозы / Сост. и автор примечаний В. И. Коровин.-- М.: Современник, 1989 (Классическая библиотека "Современника")

OCR Бычков М. Н.

ПИСЬМО 1

...Чувствуешь приближение к испанским и португальским берегам: в 20 милях от земли утренний ветер наносит уже благовоние померанцевых и апельсиновых деревьев. Неизъяснимо чувство, пробуждаемое вдохновением этих ароматов, зрелищем безоблачного неба и ощущением живительной теплоты, после туманов Англии, запаху каменного угля и непрерывных непогод, царствующих около Английского канала.

Друзья мои, весело в море, когда благоприятствует погода, и посреди самого Океана, где беспредельность воды ограничивается только беспредельностью неба; где человек не замечает ничего, кроме пустоты, которая еще ощутительнее, когда прозрачные небеса здешней стороны кажутся гораздо отдаленнее -- и в этой пустыне, говорю я, сердце наполняется радостью, если попутный ветер гонит корабль к желаемому пристанищу. Тогда заботы прекращены, по всему кораблю слышны песни или громкий смех добрых моряков, меняющихся шутками за веселыми играми, которые они мгновенно оставляют, бросаясь смотреть на стадо резвых касаток, быстро выпрыгивающих из воды, ныряющих и гоняющихся одна за другою. Иногда явления важного кита, его кувьрки и фонтаны, его старание определить корабль забавляют долго неозабоченных пловцов. Ясная ночь еще лучше: звезды и луна населяют эфирное пространство; пределы зрения ближе, человек и корабль его не кажутся так малы, так ничтожны, как днем, и сам он становится важнее. Тогда место шумной веселости заступает тихое удовольствие; половина команды спит, другая, настороже, смирно и внимательно расположена по своим местам; только где-нибудь протяжная вполголоса песня, мешаясь с шумом пены, прерывает торжественное молчание.

От самого Английского канала мы шли попутным ветром и приближались к Гибралтару в 12-ть дней. Это было счастливое плавание. Спускаясь к проливу, пришли на вид Кадикса; средней высоты берег пересекался вдали горами; с правой стороны довольно высокая гора оканчивала славный мыс Трафалгар; еще правее виден был высокий Африканский берег. Прежде нежели поравнялись с проливом, стемнело, и мы, не решаясь идти ночью в узкость, где течения так переменчивы, поворотили от берега в море, в намерении вступить в пролив не прежде рассвета. Ясный и жаркий день сменился темною, туманною и холодною ночью, которую мы провели в близости Африканского берега, поворачивая к нему и отходя прочь, как скоро по счислению полагали его близко.

Рассвет был также туманен: мы легли прямо в берег, подошли к нему, но густая мрачность скрывала возвышения и потому невозможно было судить о его положении. Дождавшись солнечного восхода, рассеявшего туман и давшего способ опознать берег, мы поворотили вдоль него; ветер следовал за всеми изворотами нашими -- и мы, обогнув мыс Спартель, от которого начинается узкость, вступили в пролив между столпов Геркулесовых.

Путь наш был подле самого Африканского берега, в виду Испании и Африки, потому что самая большая ширина пролива только 12-ть морских миль, а есть места, где он не шире 7-ми. Утреннее солнце не совсем рассеяло туман: высокие горы обоих берегов имели вид величественный, задернутые прозрачным покрывалом испарений, которые, разносясь ветром и опять задерживаясь горами, переменили фигуру их бесчисленными образами, или спускаясь нитями по бокам их наподобие бахромы, или венчая возвышенные вершины белыми кудрями.

Мы прошли в правой стороне Танжер; видели белые стены домов, минареты мечетей, вытасненные лодки; шли к берегу так близко, что казалось, будто слышался прибой волнения о прибрежные камни.

Вскоре открылась влеве Тарифа и ее башня, служащая для пловцов маяком; потом увидели французский фрегат перед островком у Тарифы; услышали выстрелы с фрегата и крепости -- и, зная, что перед нами из Бреста вышла французская эскадра к Кадиксу для крейсирования -- мы не обратили на это внимания.

А